

И. О. Приходченко^{1, 2}

✉ pisenko@mail.ru

¹Высший колледж им. Мусакхана Канапьянова Павлодарского педагогического университета, г. Павлодар, Республика Казахстан

²Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения

Аннотация: Статья посвящена перспективному в исследовательском отношении литературоведческому понятию «локальный текст», которое до сих пор не имеет четкого однозначного исчерпывающего определения. С целью выявить ряд базовых черт понятия, имеющих для него универсальное значение, предпринята попытка обзора изучения локального текста в русском литературоведении XX века. Отдельное внимание уделено рассмотрению провинциального текста русской литературы в исследованиях XXI века. По результатам рассмотрения сложившихся в XX и XXI веке подходов к определению локального текста в литературе предложено авторское понимание термина. Указаны принципиальные отличия в формировании столичного и провинциального локального текста, предложены понятия очевидного и неочевидного путей их формирования. Изучение различных точек зрения на локальный текст в целом и на провинциальный текст в частности приводит к выводу, что локальный текст следует понимать как многозначный термин с как минимум тремя значениями, которые вступают в гиперо-гипонимические отношения: локальный текст как насыщенное местными чертами произведение, как парадигма подобных текстов, как семантическое поле репрезентативных для данного локуса образов и мотивов. Четкое определение понятия локального текста должно продвинуть вперед литературоведческие исследования регионального характера.

Ключевые слова: локальный текст, провинциальный текст, русская литература, образ города, образ места.

Дата поступления статьи: 11 июня 2022 г.

Для цитирования: Приходченко И. О. (2023) Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 30–42. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.3.

Scientific article

I. O. Prihodchenko^{1, 2}

✉ pisenko@mail.ru

¹Musakhan Kanapyanov Higher College of the Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

²Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Local text of provincial literature: the question of the concept definition and the history of study

Abstract: This article is devoted to the research-promising literary concept of local text, which still does not have a clear unambiguous exhaustive definition. In order to identify a number of basic features of the concept that have universal significance for it, an attempt is made to review the study of a local text in Russian literary criticism of the XX century. Special attention is paid to the consideration of the provincial text of Russian literature in the studies of the XXI century. Based on the results of the review of the approaches to the definition of a local text in the XX and XXI centuries, the author's understanding of the term is proposed in the literature. The fundamental differences in the formation of the metropolitan and provincial local text are indicated, the concepts of obvious and non-obvious ways of their formation are proposed. The study of various points of view on the local text in general and on the provincial text in particular leads to the conclusion that the local text should be understood as a polysemous term with at least three meanings that enter into hyper-hyponymic relations: the local text as a

work saturated with local features, as a paradigm of similar texts, as a semantic field representative of a given locus of images and motifs. A clear definition of the concept of a local text should advance literary studies of a regional nature.

Keywords: local text, provincial text, Russian literature, image of the city, image of the place.

Paper submitted: June 11, 2022.

For citation: Prihodchenko I. O. (2023) Local text of provincial literature: the question of the concept definition and the history of study. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 30–42. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.3.

Введение

Пространство, местность, место (одним словом, локальность) стали предметом литературоведческого интереса сравнительно поздно, лишь в XX веке. По замечанию Н. Башмакофф, «унаследованная от <...> XIX века литературоведческая традиция <...> привыкла рассматривать местность как “фон действий”, развивающихся в словесном сообщении» (Башмакофф, 2006). В исследованиях литературных произведений это приводит к тому, что «местность как антураж, как некоего рода “беспризнаковая” часть общего сюжета, воспроизводимая в первую очередь в лирических отступлениях, зачастую остается в тени анализа, направленного на действующих лиц и на динамику действия» (Башмакофф, 2006). В то же время «локус, место действия, воспроизводимое в тексте, когда оно не является маркированным, несет такую важную и необходимую информацию, которая в интерпретациях и восприятии текста зачастую проходит как бы “незамеченной” и отодвигается на задний план перцепции и анализа» (Башмакофф, 2006). Как видно, без учета специфики поэтики пространства выводы из анализа художественного текста не могут быть полными.

По мнению Н. Башмакофф, «задача поэтики пространства состоит в том, чтобы маркировать локальную специфику <...> и тем самым вовлечь место как генерирующее начало в универсальную символику культуры» (Башмакофф, 2006). Ученая считает, что в текстах некоторых писателей «место, если только выявить его специфику», естественным образом становится «смыслопорождающим началом для дальнейших прочтываний» (Башмакофф, 2006). В рамках исследований поэтики пространства важную роль в современном литературоведении играет понятие локального текста, до сих пор не имеющее однозначного общепринятого определения.

Методы

Для уяснения специфики всех сторон вышеназванного понятия необходимо обратиться к истории его изучения. Развитие понятия локального текста как такового началось в лоне семиотики, причем «город как особая семиотическая сфера уже давно обращает на себя внимание зарубежных и отечественных исследователей» (Деткова, 2009). Впрочем, исследования образа пространства в литературе (в частности, городского) и его роли в художественном произведении зародились в первой половине XX века.

Семиотику города и символику архитектуры изучали такие западные ученые, как К. Линч (Линч, 1982), К. Леви-Стросс (Леви-Стросс, 2001), Р. Барт (Барт, 2003), Ч. Дженкс (Дженкс, 1985). Ими был введен ряд понятий: образ города; текст, код, знак, синтаксис, семантика пространства архитектуры; семиотика пространства. Они же предложили определить архитектуру как пространство коммуникации, а город – как текст: «Город был определен как пространство коммуникации, состоящее из отдельных структурных элементов, подчиненных целому (ландшафту, стилю, мифологии и др.), и являющееся знаковой средой обитания человека» (Деткова, 2009). Отмечается, что «выделяют две сферы городской семиотики: город как пространство и город как имя» (Козубовская, 2011, с. 15).

Среди российских исследователей первым о семиотике города в трудах «Книга о городе», «Душа Петербурга», «Пути постижения города как социального организма. Опыт комплексного подхода» заговорил Н. П. Анциферов, анализирувавший символическое поле Санкт-Петербурга.

Изучая «душу» города, ученый предложил вариант рассмотрения пространства города (иначе – его «метафизики»), описывая городской образ понятием «гений места как архетип пространства», подверг анализу пространственные образы в творчестве репрезентативных «петербургских» авторов, в первую очередь Достоевского и Пушкина. Физиология города, анатомия города, психология города были определены как «важнейшее направление изучения городской культуры» (Деткова, 2009). Как отмечает Н. Ю. Деткова, «исследование Н. П. Анциферова является описанием в диахронном аспекте генезиса петербургских образов и мотивов в русской литературе XIX–XX веков» (Деткова, 2009).

Н. Башмакофф называет Н. П. Анциферова одним из основателей локального метода, отмечая, что «разработанный “вытесненной” в краеведение высококвалифицированной гуманитарной интеллигенцией <...> локальный метод (курсив Н. Башмакофф. – Прим. авт.) достиг глубокого профессионализма в послереволюционные годы» (Башмакофф, 2006). Говоря об исследованиях Н. П. Анциферова как о краеведческих текстах, Н. Башмакофф отмечает, что «краеведы 1920-х годов естественным путем пришли к междисциплинарному сотрудничеству и к необходимости применять опыт различных научных дисциплин при развитии локального метода» (Башмакофф, 2006), пытаясь, по словам Л. Я. Лурье и А. В. Кобак (Лурье, Кобак, 1989), «перейти от дедукции к индукции, то есть синтезировать историю России как историю отдельных местностей и групп населения» (Цит. по: Башмакофф, 2006).

М. Ю. Лотман, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, ярчайшие представители тартуско-московской семиотической школы, а также З. Г. Минц и Н. Е. Меднис продолжили осмысление локального текста в российском литературоведении. Согласно их взглядам, локальный текст одновременно является текстом и культуры в целом, и литературы в частности. В рамках этой статьи важно, что «данная школа своим объектом выбрала не географию или городскую архитектуру, а литературу о городе и определила наиболее значимые для семиотики города понятия: текст, символ и миф» (Деткова, 2009). Следуя за Анциферовым, они задались целью провести семиотический анализ Санкт-Петербурга, в процессе чего были раскрыты базовые критерии текста городской культуры. Н. Ю. Деткова отмечает, что «петербургский текст предстал в их трудах гипертекстом, обладающим следующими чертами: всеобъемностью (т. е. он должен быть высказываемым минимум на двух языках), гетерогенностью и сложноустроенностью, антиномичностью, пространственной зафиксированностью, он, вступая во взаимосвязи, должен порождать новые тексты культуры» (Деткова, 2009). Примечательно, что вышеназванные ученые, представившие город как текст культуры, в своих трудах указывают «на его тотальный характер» (Деткова, 2009), а именно на возможность проявляться в быту, фольклоре и искусстве (литературе, архитектуре, музыке, живописи, скульптуре и проч.).

Ю. М. Лотман среди прочих функций города особенно выделяет семиотическую, объясняя разницу между, например, лесом и городом тем, что «последний несет в себе закрепленную в социальных знаках информацию о разнообразных сторонах человеческой жизни, т. е. является текстом, как и любая производственная структура» (Лотман, 2000, с. 299). По мнению Ю. М. Лотмана, город следует воспринимать «в качестве сложного семиотического механизма, генератора культуры» (Деткова, 2009). Это объясняется тем, что, представляя собой «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням, город, как и культура, – механизм, противостоящий времени» (Лотман, 2000, с. 299). Процесс текстопорождения ученый связывает с мифогенностью города: «реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город – механизм, постоянно заново

рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопоставляться с настоящим как бы синхронно» (Цит. по: Козубовская, 2011, с. 16).

По Ю. М. Лотману, возможно выделить критериальный ряд, на базе которого город предстает в виде семиотического ряда (город в роли имени, город в роли пространства, город в роли времени). Продолжая речь о городе в роли пространства, ученый говорит о двух категориях городов: город концентрический и город эксцентрический. Город первой категории находится «в центре, город на горе, тяготеющий к замкнутости, выделению из окружения, которое воспринимается враждебным» (Деткова, 2009). Города второй категории мыслятся им как «расположенные на периферии культурного пространства, имеющие в основе противостояние природы и культуры, тяготеющие к разомкнутости, культурному диалогу» (Деткова, 2009).

Схожим образом раскрывает понятие локального текста В. Н. Топоров: он «под текстом города понимает все сообщения, отправляемые улицами, площадями, островами, садами, водами, памятниками, зданиями, людьми и т. д.» (Деткова, 2009). По словам ученого, локальный текст города «может быть понят как гетерогенный текст, которому приписывается некий определенный смысл и на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализующая в тексте» (Топоров, 1995, с. 227).

Как одну из важных характеристик петербургского локального текста В. Н. Топоров выделяет «взаимоотношения между городом и текстом города, сверхсемантичность этого текста, его единообразие, наличие субстратных элементов, и основное – пространственность» (Деткова, 2009). Так, например, по мнению В. Н. Топорова, петербургский локальный текст отличается сверхсемантичностью по той причине, что «петербургский текст – понятие относительное и меняющее свой объект в зависимости от целей, которые преследуются при операционном использовании этого понятия» (Топоров, 1995, с. 227). Как отмечает Н. Ю. Деткова со ссылкой на В. Н. Топорова, говоря о субстратных элементах (топографических, климатических, пейзажно-ландшафтных, этнографически-бытовых и материально-культурных), их функция «заключается в маркировании города, выделении его из множества текстов культуры» (Деткова, 2009). Пространственность локального текста (в частности, петербургского в исследованиях В. Н. Топорова) отличается двойственностью: «это город в пространстве (география) и пространство города (архитектура)» (Деткова, 2009). В. Н. Топоров перечисляет ряд признаков, типичных для города как пространства: «театральность пространства <...>, наличие точки зрения некоторого идеального наблюдателя <...>, направленность пространства <...>, символичность пространства» (Деткова, 2009). Под театральностью пространства понимается четкое разделение на «сценическую» и «закулисную» части, оно сказывается «в постоянном осознании присутствия “зрителя”, в замещении существования “как бы существованием”» (Деткова, 2009). Наличие точки зрения некоторого идеального наблюдателя В. Н. Топоров описывает как «взгляд идущего по середине улицы пешехода» (Топоров, 1995, с. 227). Под направленностью пространства понимается, что «пространство с боков ограничено черными массами домов и высветлено с двух сторон» (Деткова, 2009). Итогом двойственного понимания пространственности текста города (его архитектуры и географии) становится их соединение в локальном тексте (а именно в литературе), «где текст отождествляется с самим городом» (Деткова, 2009).

В. Н. Топоров рассматривает локальный текст Петербурга с мифопоэтических позиций, т. к. «текст может породить миф, а миф может закрепляться в тексте или текстах» (Осипова, 2002). В процессе анализа В. Н. Топоров максимально типизирует «петербургские мифы»: «миф творения (<...> миф о возникновении города), исторические мифологизированные предания, связанные с императорами и видными историческими деятелями, эсхатологические мифы о гибели города, литературные мифы, а также “урочищные” и “культовые” мифы, привязанные к “узким” локасам города» (Деткова, 2009). В рамках нашего исследования важно замечание Н. В. Осиповой по поводу предложенной В. Н. Топоровым классификации локальных мифов, несомненно, имеющих универсальное значение: «провинциальные городские мифы, как правило, не обладают такой, как Петербург, степенью разработанности, осмысленности и сформулированности» (Осипова, 2002).

Помимо локального текста Петербурга, имеющего литературно-художественное происхождение, В. Н. Топоров пишет о «другом» петербургском тексте, в котором «сохраняется мифопоэтичность на уровне, казалось бы, бытовых текстов (истории пригородов, граффити, эпитафии на могилах и надписи на туалетах)» (Деткова, 2009) за счет того, что «наблюдается единство пространства и времени, а также включенности в это пространство жизни человека, которая неотделимо существует с пространством и проживает его во времени» (Деткова, 2009). По мнению В. Н. Топорова, городским текстом является и то, «что город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки. Эти тексты составляют особый круг. Они самодостаточны: их составители знают, что нужное им не может быть передоверено официальным текстам “высокой” культуры» (Топоров, 1995, с. 227).

Подводя итог обзору важных для формирования семиотической модели культуры города трудов, можно сказать, что представители тартуско-московской семиотической школы (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров и др.) сыграли ключевую роль в данном процессе в рамках российского литературоведения. Н. Ю. Деткова отмечает: «общим для отечественных исследователей семиотики города является мысль о том, что город рассматривается, с одной стороны, как текст, а с другой, как механизм порождения текстов» (Деткова, 2009).

Результаты

Как было сказано выше, термин «локальный текст» относительно нов в науке о литературе, в силу чего с начала 2000-х в российском литературоведении наблюдаются попытки дать ему четкое однозначное исчерпывающее определение. Так, В. В. Абашев пишет, что текст «следовало бы назвать локальным, поскольку он поставлен в соответствие локусу и формируется из его семиотических ресурсов» (Абашев, 2000). И. В. Мотеюнайте, говоря о «провинциальных текстах», совмещает понятия локального текста и топоса (Мотеюнайте, 2012).

И. С. Абрамовская определяет локальный текст как «некую совокупность следов, оставленных <...> в русской словесности» (Абрамовская, 2010). Подобное определение локального текста, с одной стороны, отличается простотой и ясностью, с другой – значительно расширяет предмет исследования, включая в него не только произведения художественной литературы, посвященные городу или связанные с ним, но и мемуары, а также фольклорное наследие. По мнению исследователя, «необходимо ввести в общий литературный контекст все доступные памятники словесности» (Абрамовская, 2010), т. к. «в этом случае со временем прояснится собственно “текст” со всеми его доминантными признаками» (Абрамовская, 2010). Ученая рассуждает о локальном тексте «как о некоем “сверхтексте”, который прошел стадии формирования и эволюции» (Абрамовская, 2010), отмечая, что «разные эпохи вписывают в него новые страницы» (Абрамовская, 2010), и подчеркивая, что «у этого “сверхтекста” есть ядро» (Абрамовская, 2010).

Исследователями поднимается проблема того «особенного, уникального, что могло бы составить» (Осипова, 2002) локальный текст, и ставится вопрос: «что понимать под локальным мифом или локальным текстом?» (Осипова, 2002) Отвечая на этот вопрос, необходимо определить, «чем в целом является то или иное место, каков миф или текст города» (Осипова, 2002), при этом «стремиться к выявлению базовых символов сознания и архетипических представлений локуса» (Осипова, 2002), т. к. «локальный текст тяготеет к мифу как некой архетипической целостности» (Осипова, 2002).

В обобщенном виде под локальным текстом также понимают систему «речевых, ментальных, визуальных стереотипов, поведенческих практик, сюжетов, устойчивых образов, связанных с каким-либо конкретным городом и актуальных для сообщества, которое идентифицирует себя с этим городом» (Степура, 2021). Это связано с тем, что «“город” – понятие родовое, обобщенное и в культуре символизированное» (Мотеюнайте, 2012).

Как видно, статус локального текста неоднозначен. Так, его называют научной категорией, указывая на три аспекта его рассмотрения. Первый аспект связан с литературоведческими

понятиями хронотопа, топоса и локуса и «поэтому может быть измерен в пространственно-временных параметрах» (Баянбаева, 2016). Второй аспект связан со структурой локального текста, т. к. он «всегда парадигма, т. е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр.» (Баянбаева, 2016). Третий аспект связан с конкретным географическим местом, порождающим локальный текст; при таком рассмотрении «исследование локального текста способно предоставить сведения об истории, культуре, менталитете, поведенческих характеристиках людей, представляющих ту или иную местность» (Баянбаева, 2016). Локальный текст представляет собой корпус «текстов о месте», «благодаря которым само «место» наделяется рядом дополнительных характеристик» (Баянбаева, 2016). Включающий в себя информацию различного характера (мифологическую, индивидуально-авторскую, историческую, биографическую, краеведческую), образ места всегда собирателен, многочастен и всегда открыт для пополнения своего семантического поля путем добавления в корпус текстов новых произведений: пока в каком-либо месте (поселке, городе, регионе) достаточно долго непрерывно живут люди, локальный текст этого места будет постоянно пополняться.

В. В. Абашев описывает процесс зарождения локального текста следующим образом: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают, по существу, программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» (Абашев, 2000).

Собирательность локального текста имеет гетерогенную природу. Можно говорить, например, об историческом, фольклорном, литературном локальном тексте. В рамках данного исследования внимание сосредоточено на локальном тексте литературного происхождения. Ж. А. Баянбаева отмечает, что «творчество одного автора (даже если конкретному топосу посвящены многочисленные его произведения) формирует лишь определенный слой локального текста» (Баянбаева, 2016). Таким образом, рост литературного локального текста идет из эпохи в эпоху путем «наслаивания» новых литературных произведений на ранее созданные. Необходимо отметить, что, наряду с важностью, например, исторического и фольклорного локальных текстов, «роль художественной литературы в осмыслении локального текста основополагающая, поскольку только в художественной литературе локальные тексты достигают той высокой степени осмысленности и завершенности, которая вводит их в культуру» (Абрамовская, 2010). Кроме того, локальный текст имеет несомненную символическую ценность, «так как он – своего рода знак, манифест того или иного локуса, выполняющий функцию идентификации» (Баянбаева, 2016).

В работах, посвященных городским локальным текстам, наиболее популярными являются два подхода.

Первый подход представляет собой выявление максимально представительного ряда единичных объектов (таких как символика города, значимый для него район, важная страница истории города и т. п.), которые становятся причиной порождения произведений и знаковым предметом в данном локальном тексте. В итоге подобного подхода оказывается возможным выявить «словарь» культурной традиции данной местности и рождается мысль описать локальный текст в виде словаря-энциклопедии. Такой угол зрения на локальный текст «существенно шире <...>, так как требует привлечения фольклорных, этнографических, исторических, географических и других источников» (Баянбаева, 2016).

Второй подход представляет собой попытку обнаружения общих мотивов или идей, которые преобладают в произведениях, составляющих локальный текст места, и являются фактором формирования его специфики, за счет чего в целом становится возможным воспроизведение «образа места» как суммы образных кодов и основных характеристик его семантики.

Единство и семантическая связность – то, что в первую очередь характеризует локальный текст: «несмотря на то, что это корпус текстов, за каждым из которых стоит свой автор, такой текст имеет единое смысловое ядро, под которым подразумевается не столько объект описания,

сколько установка описания, или семантическая сверхзадача автора по отношению к дескрипции места» (Баянбаева, 2016). Согласно В. Н. Топорову, выделяют такие параметры локального текста, как кросс-темпоральность, кросс-жанровость, кросс-персональность. Ж. А. Баянбаева полагает, что «эти черты свойственны всякому локальному тексту литературы, так как образ места всегда эксплицирован в системе жанров, в смене темпоральных ритмов, в различных авторских модусах» (Баянбаева, 2016).

Рассуждая о проблематике локального текста, Н. Башмакофф задается вопросами: «как и в чем именно выражается *локальность* текста? Когда есть основание говорить о тексте собственно локальном, а когда текст лишь отражает некие черты пространства, не будучи с этим пространством органически связан? Является ли текст как таковой носителем совокупности признаков определенной локальности и тем самым становится в ряд текстов локальных, или же определение локальности дается ему извне – читателем, исследователем, желающим причислить высказывание, созданное в определенной локальности или умозрительно относящееся к ней, к категории текстов локальных?» (Башмакофф, 2006). Отвечая на поставленные вопросы, Н. Башмакофф отмечает, что «поэтику пространства следует понимать как многократное прочитывание и переосмысление текста с выявлением различных смысловых доминант, в данном случае – преимущественно связанных с местом» (Башмакофф, 2006), делая оговорку, что здесь «приходится сталкиваться с проблемой о мере соотнесенности писателя и текста» (Башмакофф, 2006).

Далее исследователь приходит к мыслям о субстанциональном и контекстуальном выражении локальности текста, где под первым понимается локальность, которая «проявляется в самом тексте и дается автором как на уровне словесного ряда (топонимика, перифрастические обозначения местности, названия и описания местных реалий – как природных, так и рукотворных – обороты речи, диалектизмы, малые фольклорные формы и т. д.), так и на уровне образного высказывания (топика, метафорика, символика, интертекстуальность)» (Башмакофф, 2006), а под вторым – локальность, которая «проявляется вне самого текста и дается воспринимающим (читателем, исследователем, критиком) как внешняя, дополнительная информация о принадлежности текста / автора к рассматриваемой локальности (по возникновению, рождению, нахождению, местожительству, временному пребыванию, пути, месту написания и т. д.)» (Башмакофф, 2006), Необходимо учитывать, что «четкое разграничение трудно провести, и локальность может проявляться в одном и том же тексте и субстанционально и контекстуально» (Башмакофф, 2006).

Другие вопросы, поставленные Н. Башмакофф в отношении локального текста, – «вопрос соотношения локального текста с локальной идентичностью, с *локальной принадлежностью* и выявлением оппозиции свой / чужой, а также с масштабом самого понятия локального (национальный, региональный, местный)» (Башмакофф, 2006).

По мнению ученой, «для того чтобы быть воспринятым как локальный, тексту недостаточно одной вещественной принадлежности к очерченному границами локусу» (Башмакофф, 2006), т. к. «именно сгущенность передачи местной атмосферы дает тексту его генерирующий остов – смысловую доминанту» (Башмакофф, 2006). Она приходит к выводу: «Учитывая всю зыбкость перечисленных параметров, наиболее просто, широко и обобщенно локальный текст можно определить лишь как некое место, ставшее объектом филологической работы и спроецированное в высказывание» (Башмакофф, 2006). По мнению Н. Башмакофф, «для рассмотрения текста как локального требуется один, но весьма объемный знаменатель: локальный текст должен *целостно отражать местную атмосферу бытия в слове*». Важный аспект локального текста – «целостное чувственно-эмоциональное восприятие окружающей реальности» (Башмакофф, 2006).

Н. Башмакофф отмечает, что «новый интерес к теме локального текста появился еще в 1980-е годы как в России, так и за ее пределами» (Башмакофф, 2006), причем «локальные и региональные исследования <...> посвящены в основном изучению <...> провинции в ее исторических, социологических, культурологических и филологических аспектах» (Башмакофф, 2006). Необходимо подчеркнуть, что «новый интерес появился не только к изучению <...> провинции

как объекта некой репрезентации, но и к изучению ее как субъекта, конструирующего и осмысляющего себя в потоке времени в своем значимом пространстве» (Башмакофф, 2006).

Важно отметить, что «в 1990-х годах в России к исследованию провинции обратились филологи» (Башмакофф, 2006). Как указывает Н. Башмакофф, «было проведено немало конференций, посвященных отдельным провинциальным местностям» (Башмакофф, 2006), в рамках которых «в поле внимания ученых оказались Елец, Казань, Саратов, Пермь, Тверь, Псков и другие провинциальные центры» (Башмакофф, 2006). Результатами работы данных конференций стали посвященные указанным регионам сборники научных статей, наиболее известным из которых стал сборник «Русская провинция: Миф. Текст. Реальность» (Белоусов, Цивьян, 2000).

В российском литературоведении на сегодняшний день имеется ряд исследований локального текста провинциального происхождения. Так, В. В. Абашев рассматривает локальный текст Перми в труде «Символы и мифы Перми. К изучению семиотических аспектов территориальной идентичности» (Абашев, 2001); Е. В. Милюкова делает то же в сочинении «Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы» (Милюкова, 2000), И. А. Разумова – в исследовании «...Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX веков)» (Разумова, 2000), А. Н. Давыдов – в труде «Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта» (Давыдов, 1988). Н. В. Осипова анализирует «Вятский текст в культурном контексте» (Осипова, 2002), Ж. А. Баянбаева – «Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста)» (Баянбаева, 2016), Н. Ю. Деткова – шадринский локальный текст в статье «Малый провинциальный город как текст культуры» (Деткова, 2009), Г. П. Козубовская – «городские» тексты прозы А. П. Чехова в монографии «Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика» (Козубовская, 2011), И. С. Абрамовская – проблему локального текста на материале литературы о Новгороде (Абрамовская, 2010), И. В. Мотеюнайте – псковский провинциальный текст на материале мини-цикла А.Н. Яхонтова «Наши города» (Мотеюнайте, 2012).

В. В. Абашев, анализируя символы и мифы Перми, видит ценность локального текста в том, что тот «оказывается живой и действенной инстанцией, организующей отношения человека и среды его обитания. Его символические ресурсы включаются в процесс самоидентификации. Поэтому осознанное отношение к месту собственной жизни становится актуальной задачей духовного творчества» (Абашев, 2001).

Н. В. Осипова в рамках понятия локального текста на примере Вятки разграничивает столичный локальный текст и провинциальный локальный текст, подробно рассматривая природу его провинциальности, замечая по поводу понятия «провинциальный текст», что «универсальность слова “провинция”, а также длительность бытования позволили использовать его в новой исторической формуле» (Осипова, 2002). Отмечая существенную размытость понятия на сегодняшний день, исследователь придерживается его первоначального значения, а именно понимает провинциальный текст «как определенную осмысленную топонимическую данность, которую можно исследовать в рамках семиотического подхода» (Осипова, 2002). Уникальность вятского локального текста, по мнению Н. В. Осиповой, формируется в ряде культурных контекстов, как то «контекст имени, фольклора, истории (исторических преданий, праздников и ссылки) и места, включающего в себя антитезу “столица – провинция”» (Осипова, 2002). В данной антитезе столица характеризуется «кодом власти»: в иерархических, вертикальных отношениях столицы и провинции «взаимоотношения этих двух локусов всегда были центростремительными» (Осипова, 2002), и именно власть обеспечивала коммуникацию между ними. Провинция характеризуется «кодом спасения»: в переломные исторические моменты властная вертикаль слабеет, а «провинция становится зоной стабильности и для столицы выступает как место спасения, откуда черпаются материальные и человеческие ресурсы» (Осипова, 2002).

Обнаруживая на протяжении истории развития алма-атинского локального текста устойчивые архетипы описания локуса (такие как «город-сад» и «край мира»), Ж. А. Баянбаева видит необходимым разграничить понятия локального текста и сверткста (под сверткстом, по определению

Н. Е. Меднис, следует понимать «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» (Меднис, 2003), т. к. они находятся в гиперо-гипонимических отношениях: «Локальный текст <...> – один из типов сверхтекста» (Баянбаева, 2016). Объясняется это тем, что «сверхтекст максимально культуроцентричен, он может формироваться не только вокруг локуса, но и вокруг персоны <...>, темы <...>, концепта» (Баянбаева, 2016), и мы склонны согласиться с исследователем в этом.

Н. Ю. Деткова анализируя провинциальный локальный текст Шадринска, вслед за Ю. М. Лотманом, понимает под текстом «и семиотику имени, рассматривая историю названия города, всевозможные варианты трактовок и прочее; и семиотику пространства, описывая городские архитектурные и садово-парковые реалии, несущие огромное количество информации, в том числе и мифологической; и семиотику времени» (Деткова, 2009). Несмотря на широкое понимание текста города исследователь отдает предпочтение семиотическому аспекту рассмотрения города, а именно аспекту «искусственно созданного текста городом о себе самом, текста о городе глазами иногородних и поэтического текста о городе (в частности произведений шадринцев второй половины XX – начала XXI века)» (Деткова, 2009). В шадринском локальном тексте доминируют такие категории описания, как река Исеть и ее берега, мост через реку, сосны, клены, солнце, а также шум и тишина, в чем исследователь видит амбивалентность восприятия Шадринска местными авторами XX века, имея в виду в первую очередь поэтов.

Г. П. Козубовская, исследуя городские тексты в мифопоэтике А. П. Чехова, отмечает, ссылаясь на семиотико-культурологические исследования конца XX века, что «город существует в культурном поле мифов, сказаний и легенд» (Козубовская, 2011, с. 15), приводя в пример такие «градообразующие мифы», как миф о вставшем из воды городе (Петербург) и миф о провалившемся городе (Китеж), миф о наречении города именем персонажа фольклора (Варшава) и миф о небесном покровителе города (Юрий Долгорукий). Также автор размышляет о генезисе городской гендерности, связанной с легендами. Возникшие аналогично «петербургскому тексту» «городские» тексты литературы «развертываются в многообразии персональных мифов-текстов» (Козубовская, 2011, с. 15). Так, город N в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» оказывается «городом мёртвых», а город в рассказе «Анна на шее» наделен чертами оборотня, отзеркаливающего, удваивающего атрибуты городского пространства, которыми оказываются и его жители, а также меняющего местами представителей разных социальных ролей («имущих» и «немощих»); в «Моей жизни» главный герой испытывает отвращение к городу, что «выливается в проклятие ему» (Козубовская, 2011, с. 28). С точки зрения мифопоэтики пространство провинциального города в прозе А. П. Чехова «обладает магической силой» (Козубовская, 2011, с. 28) негативного характера: спасение и счастье ждет лишь того, «кто сможет вырваться за пределы города, причем достаточно далеко» (Козубовская, 2011, с. 28).

И. С. Абрамовская, обращаясь к мемуарам, написанным на основе впечатлений от посещения известнейших мест Новгорода различными путешественниками на протяжении последних трех столетий, анализирует локальный новгородский текст, рассматривая его начиная со второй половины XVIII века «в творчестве А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, Екатерины II, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина» (Абрамовская, 2010) и до середины XIX века, включая предшествующую декабристскую эпоху. Как «общие места» новгородского локального текста (они же одни из наиболее устойчивых мотивов в литературе о Новгороде) ученая называет «осмысление Новгорода как места паломничества русских людей» (Абрамовская, 2010), рефлексию «по поводу утраты былого величия» (Абрамовская, 2010) города, соединение в нем образов древности и современности, а также местные предания и святые места. Для литературы декабристов «трактовка новгородской темы становится способом передачи потаенных смыслов, о которых невозможно было говорить открытым текстом» (Абрамовская, 2010): по мнению исследователя, «именно новгородская тема, ностальгически воплощенная как воспоминание о былом и не сбывшемся отразила настроение целого поколения литераторов» (Абрамовская, 2010).

И. В. Мотеюнайте, анализируя провинциальный текст Пскова и близлежащих провинциальных городов (Острова, Луги и Новоржева) на материале произведений А. Н. Яхонтова, утверждает, что названный автор «в образе русской провинции <...> акцентирует негативные черты» (Мотеюнайте, 2012), объясняя это «критическими тенденциями в литературном процессе эпохи» (Мотеюнайте, 2012), а также указывая на истоки негативной оценки уездных городов, обнаруженные исследователем в лирике Пушкина. Исследователь стремится найти в стихотворениях автора «композиционный принцип, движущий мыслью автора и организовывающий номинативные конструкции в единую систему» (Мотеюнайте, 2012), приводя в пример безглагольную лирику А. А. Фета, но находит это затруднительным, т. к. «автор игнорирует напрашивающуюся в таких случаях географическую, хронологическую или историческую логику» (Мотеюнайте, 2012). По мнению И. В. Мотеюнайте, «...представленное Яхонтовым перечисление, призванное создать исторический образ славного древнего города, остается перечнем примет различного плана» (Мотеюнайте, 2012). Это связано с тем, что «описание внешне не связанных между собой городских примет окрашено легкой авторской иронией» (Мотеюнайте, 2012). Поэт изобразил типичный провинциальный город, ничем не отличающийся от подобных населенных пунктов России XIX века, которым свойственны неблагоустроенность (либо неудачные, нелепые попытки благоустройства), склонность к сплетням, сонное оцепенение и пустота. Детали городского пейзажа и достопримечательности складываются в «общую картину обесмысливаемого людьми земного бытия» (Мотеюнайте, 2012). Цель автора, по мнению исследователя, заключается в стремлении «обозначить циклическую повторяемость провинциальной жизни, ее своеобразную “дурную бесконечность”» (Мотеюнайте, 2012), от которой он отстраняется, что указывает на сатирический подтекст стихотворения.

Выводы

Мы приходим к выводу, что локальный текст можно понимать как минимум в трех значениях: как отдельно взятый текст, как парадигму текстов, как смысловое поле образов и мотивов.

Во-первых, допустимо мыслить локальный текст как отдельное произведение, емко отображающее место в его типичных чертах. Ряд подобных произведений формирует, как было сказано выше, «культурный слой» локального текста определенной эпохи.

Во-вторых, допустимо мыслить локальный текст как исторически складывающуюся открытую для пополнения парадигму текстов различной жанровой природы, обобщенно репрезентирующих некоторое место (страну, город, регион) в наборе устойчивых образов и мотивов, которые можно обозначить как репрезентативные константы описания места. Данная парадигма может быть рассмотрена в разрезе исторических периодов. При подобном рассмотрении литературный локальный текст каждой отдельно взятой эпохи будет являться «культурным слоем» в общем литературном локальном тексте. С одной стороны, каждый «слой» связан с другими «слоями» рядом констант в образах и мотивах в изображении места, с другой стороны, обнаруживает индивидуальные, не встречающиеся в других «слоях» образы и мотивы репрезентации, маркирующие эпоху. При подобном подходе литературный локальный текст возможно представить в виде списка художественных произведений.

Во-третьих, допустимо мыслить локальный текст исключительно как смысловое поле образов и мотивов, представительных для определенного локуса. Подобное поле, имеющее центр (смысловое ядро, являющее себя из текста в текст) и периферию (локальные образы и мотивы, свойственные произведениям отдельных авторов), потенциально открыто для пополнения, т. е. способно эволюционировать. При подобном подходе литературный локальный текст возможно представить в виде семантического поля.

Провинциальный текст как вариант локального текста нуждается в уточнении набора отличительных признаков, среди которых противопоставленность столичному тексту – важный, но не единственный критерий.

В частности, видится невозможным согласиться в полной мере с приведенным выше утверждением В. В. Абашева о программировании процесса символической репрезентации места и определяющей роли его восприятия и отношения к нему, т. к. подобный подход к определению локального текста не имеет универсального характера: локальный текст, формирующий восприятие читателя и его видение места, а также отношение к данному пространству, свойственен городам с богатой, хорошо прослеживающейся из эпохи в эпоху литературной традицией, как правило, насчитывающей не одно столетие; обычно это крупные и / или старые города, в первую очередь столичные. Провинциальные города далеко не всегда отличаются такими характеристиками локального текста, т. к. в силу относительно бедной литературной традиции и, как следствие, нередко слабой или вовсе отсутствующей преемственности между местными авторами разных эпох литературные тексты не «перекликаются» очевидно; авторы, вторя друг другу в главных городских образах и мотивах, будто бы открывают их заново, повторяя друг друга, хоть и не зная об этом.

Таким образом, можно говорить о двух вариантах пути зарождения провинциального локального текста: очевидном, основанном на преемственности в рамках местной литературной традиции, и неочевидном, в котором формирование ядра локального текста литературы происходит путем накопления типичных повторяющихся образов и мотивов в произведениях местных авторов, «изолированных» друг от друга в рамках эпохи / поколения. Вероятно, возможно совмещение очевидного и неочевидного вариантов.

В отношении столиц выделение очевидного и неочевидного пути формирования локального текста видится не актуальным: «столичные» литературные произведения, в том числе с ярко выраженной локальностью, созданные выдающимися авторами, обычно становятся общенациональным культурным достоянием, потому очевидно широко известны и априори оказываются включенными в литературную традицию.

Несомненно, локальный текст (как столичный, так и провинциальный) формируется в первую очередь в произведениях виднейших, известнейших авторов. «Однако принципиально важно учитывать не только выдающиеся произведения словесности, но и произведения «не-гениев», как называл второстепенных писателей В. Г. Белинский» (Абрамовская, 2010). Анализ текстов подобных авторов, помимо придания литературоведческим исследованиям научной новизны, даст более полное и широкое представление об истории русской литературы и, возможно, явится одним из путей выхода из затянувшегося методологического кризиса современного гуманитарного знания.

Источники

- Абашев В. В. (2000) Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, Изд-во Пермского университета, 404 с. URL: <https://clck.ru/33kZub>.
- Абашев В. В. (2001) Символы и мифы Перми. К изучению семиотических аспектов территориальной идентичности. URL: <https://clck.ru/33kZrQ>.
- Абрамовская И. С. (2010) Проблема «локального текста» в русской литературе XIX века (на материале Новгородского текста). Записки Филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Вып. 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: материалы международной научно-практической конференции. С. 218–225.
- Барт Р. (2003) Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., Издательство им. Сабашниковых, 512 с.
- Башмакофф Н. (2006) Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства. В кн. Зорин А. Л. История и повествование. М., Новое литературное обозрение. URL: <https://culture.wikireading.ru/45347>.
- Баянбаева Ж. А. (2016) Локальный текст и его функции (на примере алма-Атинского локального текста). Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnyy-tekst-i-ego-funktsii-na-primere-alma-atinskogo-lokalnogo-teksta>.
- Давыдов А. Н. (1988) Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта. В кн. Культура русского севера. Л., Наука. Ленинградское отделение, 220 с. С. 86–99.
- Деткова Н. Ю. (2009) Малый провинциальный город как текст культуры. Вестник ЧелГУ, № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyu-provintsialnyy-gorod-kak-tekst-kultury>.

- Дженкс Ч. (1985) Язык архитектуры постмодернизма. М., Стройиздат, 136 с.
- Козубовская Г. П. (2011) Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика. Барнаул, АлтГПА, 318 с.
- Леви-Строс К. (2001) Структурная антропология. Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М., Изд-во Эксмо-Пресс, 512 с.
- Линч К. (1982) Образ города. М., Стройиздат, 328 с.
- Лотман Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб, Искусство–СПБ, 704 с.
- Лурье Л. Я., Кобак А. В. (1989) Заметки о смысле петербургского краеведения. Анциферовские чтения. Материалы и тезисы конференции (20–22 декабря 1989 г.). Л., С. 72–79.
- Меднис Н. Е. (2003) Сверхтексты в русской литературе. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35>.
- Милюкова Е. В. (2000) Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы. В кн.: Русская провинция: миф – текст – реальность. М.–СПб., 491 с. С. 347–361.
- Мотеюнайте И. В. (2012) Псков и другие: мини-цикл А. Н. Яхонтова «Наши города». Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pskov-i-drugie-mini-tsikl-a-n-yahontova-nashi-goroda>.
- Осипова Н. В. (2002) Вятский провинциальный текст в культурном контексте. Биноколь, № 16. URL: <http://www.studnauka.narod.ru/nvo.html>.
- Разумова И. А. (2000) «...Как близко от Петербурга, но как далеко». Русская провинция: миф – текст – реальность. М. СПб., 491 с. С. 324–334.
- Степура Н. В. (2021) Локальные тексты русской литературы. Гипертекст и метатекст. URL: https://spravochnick.ru/literatura/lokalnye_teksty_russkoy_literatury_gipertekst_i_metatekst/.
- Топоров В. Н. (1995) Петербургские тексты и Петербургские мифы. В кн. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 624 с.

References

- Abashev V. V. (2000) Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the XX century]. Perm, Perm university publishing house, 404 p. Available at: <https://clck.ru/33kZub> (In Russian).
- Abashev V. V. (2001) Simvoly i mify Permi. K izucheniyu semioticheskikh aspektov territorial'noy identichnosti [Symbols and myths of Perm. To the study of semiotic aspects of territorial identity]. Available at: <https://clck.ru/33kZrQ> (In Russian).
- Abramovskaya I. S. (2010) Problema "lokal'nogo teksta" v russkoy literature XIX veka (na materiale Novgorodskogo teksta) [The problem of "local text" in the Russian literature of the XIX century (based on the Novgorod text)]. Notes of the Branch of the RSUH in Veliky Novgorod. Issue 8. Historical, cultural and economic potential of Russia: heritage and modernity: materials of the International scientific and practical conference. pp. 218–225 (In Russian).
- Bart R. (2003) Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'turyFashion System [Articles on the semiotics of culture]. Moscow, Sabashnikov Publ. House, 512 p. (In Russian).
- Bashmakoff N. (2006) Lokal'nyy tekst, golos pamyati i poetika prostranstva [Local text, the voice of memory and the poetics of space. In: Zorin A. L. [Istoriya i povestvovaniye] History and narration. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye. Available at: <https://culture.wikireading.ru/45347> (In Russian).
- Bayanbayeva Zh. A. (2016) Lokal'nyy tekst i yego funktsii (na primere Alma-Atinskogo lokal'nogo teksta) [Local text and its functions (on the example of the Alma-Ata local text)]. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnyy-tekst-i-ego-funktsii-na-primere-alma-atinskogo-lokalnogo-teksta> (In Russian).
- Davydov A. N. (1988) Arkhangel'sk: semantika gorodskoy sredy v svete etnografii mezhdunarodnogo morskogo porta [Arkhangelsk: semantics of the urban environment in the light of the ethnography of the international seaport]. In: [Kul'tura russkogo severa] Culture of the Russian North. Leningrad, Nauka. Leningrad branch, 220 p., pp. 86–99 (In Russian).
- Detkova N. Yu. (2009) Malyy provintsial'nyy gorod kak tekst kul'tury [Small provincial town as a cultural text]. Bulletin of Chelyabinsk State University, no. 18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-provintsialnyy-gorod-kak-tekst-kul'tury> (In Russian).
- Jencks Ch. (1985) Yazyk arkhitektury postmodernizma [The language of architecture of postmodernism]. Moscow, Stroyizdat Publ., 136 p. (In Russian).
- Kozubovskaya G. P. (2011) Rubezh XIX–XX vekov: mif i mifopoetika [The turn of the XIX–XX centuries: myth and mythopoetics]. Barnaul, AltSPA Publ., 318 p. (In Russian).
- Levi-Strauss K. (2001) Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. Moscow, Eksmo-Press Publ. House, 512 p. (In Russian).
- Lotman Yu. M. (2000) Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo–SPB Publ., 704 p. (In Russian).
- Lurie L. Ya., Kobak A. V. (1989) Zametki o smysle peterburgskogo krayevedeniya [Notes on the meaning of St. Petersburg local history]. Antsiferovskiy chteniya [Anciferov's readings]. Materials and abstracts of the conference (December 20–22, 1989). Leningrad, pp. 72–79 (In Russian).
- Lynch K. (1982) Obraz goroda [The image of the city]. Moscow, Stroyizdat Publ., 328 p. (In Russian).

- Mednis N.E. (2003) Sverkhteksty v russkoy literature [Supertexts in Russian literature]. Available at: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (In Russian).
- Milyukova E.V. (2000) Chelyabinsk: okno v Aziyu ili kray obratnoy perspektivy [Chelyabinsk: a window to Asia or the edge of the reverse perspective]. In: Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost' [Russian province: Myth – text – reality]. Moscow-St. Petersburg, 491 p., pp. 347–361 (In Russian).
- Moteyunaite I. V. (2012) Pskov i drugiye: mini-tsikl A. N. Yakhontova “Nashi goroda” [Pskov and others: mini-cycle of A. N. Yakhontov “Our cities”]. Bulletin of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pskov-i-drugie-mini-tsikl-a-n-yahontova-nashi-goroda> (In Russian).
- Osipova, N. V. (2002) Vyatskiy provintsial'nyy tekst v kul'turnom kontekste [Vyatka provincial text in a cultural context]. Binokl' – Binoculars, no. 16. Available at: <http://www.studnauka.narod.ru/nvo.html> (In Russian).
- Razumova I. A. (2000) “...Kak blizko ot Peterburga, no kak daleko” [“... How close to St. Petersburg, but how far away”]. In: Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost' [Russian Province: Myth – text – reality]. Moscow-St. Petersburg, 491 p., pp. 324–334 (In Russian).
- Stepura N. V. (2021) Lokal'nyye teksty russkoy literatury. Gipertekst i metatekst [Local texts of Russian literature. Hypertext and metatext]. Available at: https://spravochnick.ru/literatura/lokalnye_teksty_russkoy_literatury_gipertekst_i_metatekst/ (In Russian).
- Toporov V. N. (1995) Peterburgskiyе teksty i Peterburgskiyе mify [Petersburg texts and Petersburg myths]. In: Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. The ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. Moscow, Progress – Culture Publishing Group, 624 p. (In Russian).

Информация об авторе

Приходченко Илья Олегович

Преподаватель спецдисциплин, магистр гуманитарных наук. Высший колледж им. Мухаммада Каныпиянова Павлодарского педагогического университета, г. Павлодар, Республика Казахстан.
Аспирант. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0003-1800-8812.
E-mail: pisosenko@mail.ru

Author's information

Ilya O. Prikhodchenko

Teacher of special disciplines, Master of Humanities. Musakhan Kanapyanov Higher College of the Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan.
Postgraduate student. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-1800-8812.
E-mail: pisosenko@mail.ru